

Сборник статей, изданный в авторитетной серии "Pacific Linguistics" (хорошо известной специалистам по австронезийскому и неавстронезийским языкам тихоокеанского ареала), посвящен различным проблемам концептуализации пространственных понятий в языках и культуре народов Океании.

Сама тема пространства в языке, мышлении и культуре фундаментальна и практически неисчерпаема, и, несмотря на то, что почти в каждой гуманитарной области знания – лингвистике, филологии, психологии, антропологии, культурологии – существует множество исследований, затрагивающих пространственные основы человеческого бытия (см., например [Miller, Johnson-Laird 1976; H. Clark, E. Clark 1977; Talmy 1983; Herskovits 1986; Svorou 1993; Pederson 1995]), интерес к пространству не угасает, и новые исследования постоянно обогащают эту огромную многомерную мозаику. За последнее время и в России, и за рубежом было опубликовано множество типологических и частных исследований, посвященных проблематике концептуализации пространственных отношений в языке. Можно назвать, например, сборники статей [Bloom et al. 1996; Pütz, Dirven 1996; Senft 1997; ТФГ 1996; ЛАЯ 1999; 2000; ИТГ 2002]. Однако, как отмечает во введении редактор сборника Дж. Беннардо, пока что имеется слишком мало работ, ориентированных на исследование языков какого-либо региона, связанных родством и территориальной близостью. Кроме того, рецензируемый сборник отличается от множества других работ наличием культурного и этнографического компонента: практически все авторы – не только психологи, антропологи, но и лингвисты – не замыкаются на чисто языковом материале, а стремятся включить его в культурный контекст. В какой-то степени к подобным исследованиям можно отнести только [Bloom et al. 1996] и [Senft 1997], где провозглашается ценность не только лингвистического или антропологического, но и междисциплинарного подхода.

Во введении Дж. Беннардо отмечает, что издание посвящено описанию пространства как такового, а не пространства как языковой

метафоры (что, по-видимому, является одной из самых популярных сейчас тем). Дж. Беннардо с полным основанием считает, что для того, чтобы описывать метафоры, связанные с пространством, необходимо сначала тщательно изучить саму сферу пространства.

Редактор обозначает три основные цели данного тома следующим образом. Первая – отразить вклад в исследование пространства, в частности, языковых, ментальных и культурных представлений пространственных отношений. Используемые методологии включают сложный лингвистический анализ, экспериментальные когнитивные психологические тесты и интерпретации этнографических описаний. Вторая цель – впервые предъявить исследование пространственных представлений в языках одной специфически культурной области, а именно Океании, включающей Микронезию, Меланезию и Полинезию. Третья цель – показать ценность межкультурного и межкультурного анализа. Невозможно проводить исследование пространственных представлений, не сравнивая материал различных языков и культур. При этом, однако, нельзя обобщать результаты, верные для одной группы языков, применительно ко всем языкам, как это получилось с индоевропейскими языками, на материале которых долгое время делались выводы об универсалиях языка и человеческого мышления. Языки Океании как раз представляют систему пространственных отношений, сложным и нетривиальным образом отличающуюся от типичной индоевропейской.

В большинстве работ, вошедших в рецензируемый сборник, различается три типа пространственной ориентации, выделенных С. Левинсоном [Levinson 1996]. Типы эти следующие:

1) встроенная (intrinsic) ориентация, имеющая два аргумента: референт (локализуемый объект, в лингвистической литературе используется также термин "фигура") и релятум (ориентир, относительно которого локализуется объект, также "фон"). Этот тип пространственной ориентации опирается на асимметрию, присущую релятуму, например, фасад-

ность, функциональное использование каких-то частей, преимущественное направление движения и т.д. (как в предложении *Джон перед машиной*);

2) относительная (relative) ориентация, которая включает, кроме референта и релятума, еще и точку наблюдения (*кубик за мячом*);

3) абсолютная (absolute) ориентация, которая так же, как и встроенная, включает референт и релятум, но не требует знания свойств релятума за исключением его местоположения (*машина к северу от дома*). Кроме того, отдельно от трех вышеперечисленных рассматривается дейктический компонент, указывающий на пространственно-временные координаты речевого акта, который может присутствовать, а может и отсутствовать во всех трех типах ориентации¹.

Наиболее характерной чертой языков Океании и других австронезийских языков является развитая система абсолютной ориентации, которую Б. Палмер, автор одной из статей сборника, даже называет универсальной для австронезийских языков. Относительная же ориентация, настолько привычная для носителей индоевропейских языков, что она практически считалась универсальным концептом человеческого мышления, в этих языках используется ограниченно или не используется совсем (как в языках Новой Каледонии, а также в языках лонгу, муна, таба и др.). В качест-

¹ В отечественной литературе при описании категории пространственной ориентации обычно выделяют два типа – относительную и абсолютную ориентацию, однако под этими терминами не всегда понимается одно и то же. В работе [Адресян 1995], опирающейся на материал русского языка, под абсолютной ориентацией имеется в виду встроенная ориентация в смысле С. Левинсона (что вполне объяснимо, так как русский язык не располагает грамматическими показателями абсолютной ориентации). В типологической работе [Плунгян 2002], посвященной построению классификации глагольных показателей ориентации, относительная и встроенная ориентация не различаются, но рассматриваются два типа задания ориентира – фиксированное, когда все употребления ориентационного показателя предполагают один и тот же заранее заданный ориентир (абсолютная ориентация), или контекстное, когда ориентир задается в конкретной ситуации (относительная ориентация). Аналогичный термин для абсолютной ориентации – fixed landmark ‘ориентир, включенный в пространственный грамматический показатель’ используется в [Svotou 1993].

ве абсолютных ориентиров могут служить движение солнца, берег моря, направление ветра, течения реки, прибрежного течения и т.п.². Проблемы абсолютной ориентации затрагиваются практически во всех статьях сборника.

Сборник состоит из трех разделов: “Язык и пространство”, “Пространство в мышлении” и “Пространство и культура”. Авторы всех трех разделов, однако, как правило, обращаются ко всем обозначенным областям – язык, мышление, культура, поддерживая идею главного редактора о важности междисциплинарного подхода.

Первый раздел включает четыре статьи, в фокусе которых находятся лингвистические особенности языков Океании. Авторы рассматривают, какими грамматическими средствами выражены пространственные отношения в языках алуэ, амбае, тонга, ниуэ, гавайском.

Раздел начинается статьей М. Флори и Б. Келли “Пространственная ориентация в языке алуэ” (M. Florey, B. Kelly. “Spatial reference in Alupne”), в которой рассматривается австронезийский язык алуэ (один из молуккских языков). Хотя географически этот язык и не входит в Океанию, Дж. Беннардо включил его в этот сборник на том основании, что он генетически связан с языками Океании, а его географическое расположение, возможно, соответствует прародине языков и культуры Океании.

Статья представляет собой подробный лингвистический анализ всей системы пространственных граммем, включающей шесть директивов (соответствующий английский термин directionals), локатив, аблативный и аллативный предлоги и дейктический маркер. Директивы могут выступать как предлоги и как полнзначные имена, они также имеют форму клитики, которая употребляется только с аллативным предлогом. Директивы обозначают три пространственные оси: направление к морю / направление вглубь острова (*mlau / nda*), вверх / вниз (*mlete / mpe*) и параллельно берегу в разных направлениях (*ndi / mrai*).

Авторы выделяют четыре пространственных зоны, в каждой из которых своя система концептуализации пространства. Зона 1 – ближайшее пространство, в котором происходит большинство событий; зона 2 находится внутри о. Серам, где проживают носители языка;

² В исследовании [Плунгян 2002] предлагается попытка дальнейшей типологической классификации абсолютных ориентиров: они делятся на четыре группы – предметные, гравитационные, антропоцентричные и дейктические.

зона 3 – регион Молуккских островов (восточная Индонезия), где располагается Серам; наконец, зона 4 – весь остальной мир. Первую зону обслуживают все шесть директивов, а в остальных зонах используется по одному директиву из того же набора.

Особенность методологии авторов исследования в том, что они рассматривают не только “идеальную” модель языка, но и его функционирование в реальном дискурсе. Сравнивая две эти модели, авторы приходят к интересным выводам об их отличиях. Так, подробно исследуются, какие факторы влияют на употребление или неупотребление именных групп в синтаксических конструкциях, локативных конструкций для обозначения движения, конструкций с аллативом и директивами для обозначения местонахождения и т.п. Объяснения подобных явлений даются в основном в терминах коммуникативных намерений говорящего, фокуса его внимания, знания говорящего и слушающего о расположении референциальных объектов в пространстве. Кроме того, приводятся и экстралингвистические, культурные обоснования грамматических явлений.

В статье К. Хислоп “Как прятаться за деревьями на Амбае: пространственная ориентация в одном из языков Океании” (C. Hyslop. “Hiding behind trees on Ambae: spatial reference in an Oceanic language”) исследуется пространственная ориентация языка жителей о. Амбае на севере Вануату. Пространственная картина сильно отличается от привычной нам. Так, в этом языке нельзя сказать *за деревом*, поскольку в нем нет языковых средств для выражения относительной ориентации. В этих случаях используется абсолютный или встроенный тип ориентации, то есть ‘за деревом’ будет буквально переводиться, в зависимости от данной конкретной ситуации, как ‘возле дерева в месте, которое дальше вниз от меня’ или ‘возле дерева в месте, которое дальше вверх от меня’.

Здесь, как и в предыдущей статье, анализируется набор директивов, однако, несмотря на то, что употребляется тот же термин, что и в предыдущей статье, синтаксически директивы в амбае играют совсем иную роль: они могут выступать как демонстративы, абсолютные локативные имена и директивные глаголы. В этом языке существует система из девяти директивов, которые различают движение на одном уровне вдоль берега (*vano*), движение вверх, на сушу (*hage*), и вниз, к морю (*hivo*). Каждое из них также комбинируется с тремя дейктическими значениями: движение от дейктического центра, к дейктическому центру и движение к слушающему или бывшему / будущему дейктическому центру. Эта система

требует учета абсолютной позиции объекта и местоположения говорящего. Так, чтобы описать движение объекта в пределах острова, необходимо учитывать такие факторы, как находится ли цель движения выше, ниже или на том же уровне от местоположения говорящего; находится ли оно по направлению к морю, вглубь острова или параллельно берегу; находится ли оно на противоположной части острова (на восток или на запад); находится ли оно на северо-востоке или юго-западе. Если какая-то оппозиция нерелевантна в данном случае, то учитывается следующий фактор. Как и в некоторых других австронезийских языках, выбор директива обусловлен также местонахождением объекта в пределах острова Амбае, на соседних островах или в удаленном от него месте – то, что в предыдущей статье названо “пространственными зонами”. В статье рассматриваются и класс относительных локативных имен, выражающих встроенный тип пространственной ориентации.

В статье В. Шперлиха “Внутри и вне пространства ниуэ” (W. Sperlich. “Inside and outside Niuean space”) сравниваются пространственные системы двух близкородственных языков – тонга и ниуэ, а именно предлоги, пространственные имена и директивы (термин, который в данной статье обозначает пространственные слова, употребляемые как наречия, модифицирующие значения глагола, и как полнозначные глаголы). Язык тонга был описан в докладе [Bennardo 1996] и данная статья следует той же схеме описания для языка ниуэ, выявляя интересные различия. Как считает автор, подобные работы помогают нам понять, каким образом так называемые универсальные концепты, такие, как пространственная ориентация, могут быть выражены разными способами даже в близкородственных языках.

К. Кук в своей статье “Падежное маркирование гавайских локативных имен и имен места” (K. Cook. “The case marking of Hawaiian locative nouns and place names”) описывает специфические особенности локативных имен в гавайском языке, которые имеют различное падежное маркирование в зависимости от того, выступают они в качестве имен места, имен собственных или нарицательных. Как и другие авторы этого тома, Кук находит подтверждение своим выводам, сделанным на основе лингвистического анализа, в культурном контексте – современной гавайской популярной музыке. Автор утверждает, что важность локативных концептов в гавайской культуре связана с любовью жителей к родному краю и выражается, в частности, в количестве песен, воспевающих и одушевляющих родные места.

Второй раздел сборника, "Пространство в мышлении", содержащий три статьи, открывается очень интересным фундаментальным исследованием Б. Палмера "Абсолютная пространственная ориентация и грамматикализация перцептивно выделенных явлений" (B. Palmer. "Absolute spatial reference and grammaticalisation of perceptually salient phenomena"). В отличие от всех остальных статей этого сборника, которые в основном посвящены частным описаниям конкретных языков, работа Палмера является типологическим описанием характерных черт абсолютной ориентации в языках Океании. Многие языки мира используют встроенную антропоморфную ориентацию гораздо в меньшей степени, чем индоевропейские языки, а вместо нее используют абсолютную. Например, носитель австралийского языка гугу-йимидир может попросить вас подвинуться на скамейке "чуть-чуть на восток" или передать солонку "с южного края западного стола". Как утверждает Палмер, абсолютная ориентация изучена хуже, чем относительная или встроенная. Целью его работы является обозначить определенные аспекты этого явления, которые станут базой для дальнейших исследований.

В своем типологическом обзоре Палмер использует материалы австронезийских языков Соломоновых островов, Новой Каледонии, Полинезии и др.: лонгу, квайо, толо, неми, толаи, кокота, манам, токелау и др. В обзоре отмечаются наиболее характерные черты пространственных систем австронезийских языков. В основе этой системы чаще всего лежит ориентация по оси "направление к морю vs. в глубь острова", либо ориентация по уклону местности – "вверх vs. вниз", в отличие от абсолютной ориентации индоевропейских языков, основанной на ориентации по сторонам света и связанной с движением солнца. В статье ясно показано, что европейская система координат вовсе не является универсальной и отражающей общечеловеческий способ мышления, а лишь одной из возможных. Палмер рассматривает различные комбинации всех этих трех систем в австронезийских языках и их модификации: ограничены или неограничены оси, представляют они собой векторы или квадранты, какие оси являются первичными, а какие развиваются из них.

Палмер считает, что в свете полученных результатов требуется сравнительное изучение близкородственных языков, носители которых живут в топографически и географически различных областях; и языков неродственных, но на которых говорят в областях с похожими топографическими и географическими свойствами. Сравнивая языки таким об-

разом, автор приходит к выводу, что если есть две оси, мотивированные разными природными явлениями, а следовательно, до некоторой степени концептуально независимые, они будут взаимодействовать по-разному в местах, где различается взаимодействие мотивирующих природных явлений. Это может произойти внутри одного языка, когда единая концептуальная система проявляется по-разному в различных местах обитания. Это не диалектное различие, а влияние ограничений среды на чувствительную к среде систему.

Автор размышляет о влиянии окружающей среды на язык и мышление человека и приходит к выводу, что некоторые природные явления настолько важны для человека, что язык выбирает некоторые из них и конструирует мотивированную ими грамматическую систему. Абсолютная пространственная ориентация в языке, по мнению Палмера, исключительно тесно связана с этими природными явлениями, постигаемыми с помощью органов чувств, по-видимому через посредство некоторых концептуальных структур или процессов, которые должны "предшествовать" языковой системе. Таким образом, абсолютная ориентация в языке является уникальной сферой для изучения пространственного мышления и восприятия человека.

Вторая статья этого раздела, "Ментальные картины привычного: культурные стратегии пространственных представлений в Тонга" написана редактором сборника Дж. Беннардо. (G. Bennardo. "Mental images of the familiar: cultural strategies of spatial representations in Tonga"). Некоторые психологические особенности жителей о. Тонга навели автора на мысль, что базовой структурой пространственных представлений там является радиальная структура с центробежным и центростремительным движением, то есть во всякой пространственной картине житель этого острова в первую очередь выделяет некий важный для данной ситуации центр, относительно которого локализуются все прочие объекты и их передвижения. Подтверждения своему предположению автор ищет в языке, исследуя систему директивов, демонстративов и личных местоимений. Автор доказывает, что описание семантики директивов с помощью радиальной структуры более адекватно, чем предлагавшиеся ранее толкования. В статье показано, что радиальная структура является подтипом абсолютной ориентации. Для подтверждения своей теории автор проводит также серию психологических опытов и привлекает этнографический материал.

Ф.К. Леман и Д. Хердрич в статье "О релевантности неограниченного поля для описания

пространства в Океании” (F.K. Lehman, D. Herdrich. “On the relevance of point-field for spatiality in Oceania”) на материале языка Самоа доказывают, что жители Океании воспринимают пространство как неограниченное, в отличие от большинства других языков, которые концептуализуют пространство как имеющее границы.

В третьем разделе, “Пространство и культура”, собственно языковой материал играет вспомогательную роль, а на первый план выступают антропологические и культурные наблюдения.

Е. Китинг в статье “Пространство и его роль в социальной стратификации на Понпеи, Микронезия” (E. Keating. “Space and its role in social stratification in Pohnpei, Micronesia”) изучает роль пространственных концептов в формировании отношений социальной иерархии на о. Понпеи. Автор исследует, как горизонтальные и вертикальные оси отражают социальные отношения между индивидуумами и как идеи социальной доминации и власти выражаются в языке в формах пространственной организации. Как известно, наивная физика отражается в языковых метафорах, престижные vs. непрестижные направления и части тела – верх vs. низ, вперед vs. назад – метафорически переносятся на социальные отношения (cp. [Bennet 1975; Frawley 1992]).

В языке понпей термины, соответствующие востоку и западу, имеют названия, связанные с названиями частей тела, соответственно, ‘лицевая сторона’ (*palimese*) и ‘задняя или хвостовая сторона’ (*palikapi*). При этом восток считается по вертикальной оси выше запада; движение на восток острова описывается как движение вверх (*koh-da-la* ‘идти-вверх-туда’), а на запад – как движение вниз (*koh-di-la* ‘идти-вниз-туда’). В статье также обсуждается сложная система терминов для обозначения левой и правой стороны. В обычной речи правая сторона считается более престижной, чем левая, однако в статусно-маркированной речи, когда темой высказывания являются люди высокого социального статуса (например, старейшины), происходит инверсия, и более престижной становится левая сторона. Объяснение этому находится в особенностях организации горизонтального пространства ритуальных домов (*nahs*) и местоположения участников культурно-значимых событий: старейшины размещаются в самой престижной, верхней части ритуального помещения, лицом к остальным людям, то есть с их точки зрения с левой стороны находится то, что для простых участников находится справа.

Преимущественно антропологическим описанием является исследование Ч. Торен “Пространственно-временные координаты на Фиджи” (Ch. Toren. “Space-time coordinates of subjectivity in Fiji”), в котором также проводится параллель между вертикальной осью и сложными отношениями родства и социальной иерархии в повседневной деятельности жителей о. Фиджи. Дети с самого раннего возраста воспитываются в четко организованных зонах пространства внутри деревни и внутри каждого помещения, усваивая правила поведения в каждой зоне и свое подчиненное положение по отношению ко взрослым. Социальные отношения выражаются также в позе, жестах и речевом поведении.

А. Аллен в статье “Дом как социальная метафора: архитектура, пространство и язык в культуре Самоа” (A. Allen. “The house as a social metaphor: architecture, space and language in Samoan culture”) рассматривает архитектурные термины в культуре о. Самоа и проводит параллель между исходным значением слов, описывающих структуру архитектурных сооружений, и теми же самыми словами, используемыми для выражения социальных отношений.

В заключении под названием “Пространственная ориентация в островных мирах” Дж. Келлер (J. Keller. “Spatial representation of island worlds”) обобщает материалы всех авторов, рассматривая яркую и специфическую в культурном и языковом отношении Океанию как часть общечеловеческой культуры. Келлер рассуждает о потенциальных возможностях междисциплинарного подхода, провозглашенного редактором сборника, – интеграции лингвистических, психологических и этнографических методов и подходов.

Оценивая сборник в целом, можно сказать, что его авторы и составители безусловно достигли поставленных целей – данное издание вносит яркий и интересный вклад в заявленную проблематику и будет полезно не только австронезистам и типологам, но и другим специалистам самого разного профиля. Хочется отметить также, что все статьи снабжены картами и иллюстрациями, без которых не обходится ни одна работа, посвященная пространственным отношениям (как пишет Беннард, “рисование является окном в человеческое мышление”), что уже само по себе говорит о том, что пространство нельзя описать только языковыми средствами: необходим цельный междисциплинарный подход к изучению пространственных систем в языке, мышлении и культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография, М., 1995.
- ИТГ 2002 – Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / Под ред. В.А. Плунгян. М., 2002.
- ЛАЯ 1999 – Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна, 1999.
- ЛАЯ 2000 – Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина, М., 2000.
- Плунгян 2002 – В.А. Плунгян. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / Под ред. В.А. Плунгян. М., 2002.
- ТФГ 1996 – Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посесивность. Обусловленность, СПб., 1996.
- Bennardo 1996 – G. Bennardo. A conceptual analysis of Tongan spatial nouns: from grammar to mind. MS and paper delivered at the 3rd International conference on Oceanic linguistics, Waikato, 7–15 January, 1996.
- Bennet 1975 – D. Bennet. Spatial and temporal uses of English prepositions. London, 1975.
- Bloom et al. 1996 – P. Bloom, M.A. Peterson, L. Nadel, M.F. Garrett (eds.). Language and space. Cambridge (Mass.), 1996.
- H. Clark, E. Clark 1977 – H. Clark, E. Clark. Psychology and language. An introduction to psycholinguistics. New York, 1977.
- Frawley 1992 – W. Frawley. Linguistic semantics. Hillsdale (NJ), 1992.
- Herskovits 1986 – A. Herskovits. Language and spatial cognition: An interdisciplinary study of the prepositions in English. Cambridge, 1986.
- Levinson 1996 – S. Levinson. Frames of reference and Molyneux's question: crosslinguistic evidence // P. Bloom, M.A. Peterson, L. Nadel, M.F. Garrett (eds.). Language and space. Cambridge (Mass.), 1996.
- Miller, Johnson-Laird 1976 – G.A. Miller, P. Johnson-Laird. Language and perception. Harvard, 1976.
- Pederson 1995 – E. Pederson. Language as context, language as means: spatial cognition and habitual language use // Cognitive linguistics. 1995. 6 / 1.
- Pütz, Dirven 1996 – M. Pütz, R. Dirven (eds.). The construal of space in language and thought. Cognitive linguistics research. 8. Berlin; New York, 1996.
- Senft 1997 – G. Senft (ed.). Referring to space: Studies in Austronesian and Papuan languages. Oxford, 1997.
- Svorou 1993 – S. Svorou. The Grammar of space. Amsterdam, 1993.
- Talmy 1983 – L. Talmy. How language structures space // H. Pick, L. Acredolo (eds.). Spatial orientation: theory, research, and application. New York, 1983.

Ю. В. Мазурова